

Листаем мы воспоминанья:
Вокзалы, лица, города –
Измятых перед расставаньем
Пустых страничек череда.

Разлуки, встречи, анекдоты,
Года, свистящие в ушах,
И вдруг наткнешься – кто ты? Кто ты?
И переполнится душа.

Нахлынет с болью: в старом мире
Оставил я давным-давно
Тебя в слезах в пустой квартире,
Но возвратиться – не дано.

Сладка нам боль воспоминаний,
Когда за нею нет утрат.
Играет память в игры с нами
И вот – как будто бы вчера...

Нет, не забыто твоё имя,
И шепот, ну, и звонкий смех.

Что память? Это – только иней.
И снова холодно. И – снег!

Дождик лужу клюёт. Осень,
Журавли потянулись к югу.
Обозначили гон лоси –
Засмущались лосихи-подруги.

Лижет ветер своим шершавым
Языком холодную лужу.
Ну, так что мы с тобой решаем?
Может, я тебе и не нужен?

Есть у осени много песен
Про разлуку и про вагоны.
Только, если уж быть честным,
Ни к чему эти вздохи и стоны.

Ну, всплакни, ну, взмахни руками,
Только молча, прошу тебя – молча.
Ничего не случилось с нами –
Я опять позвоню тебе ночью.

Осень часто приносит смуту,
Осень остро ставит вопросы.
Если я ничего не спутал,
У тебя ведь не так всё просто.

Барабанят в окно капли!
Успокаивают? Тешат? – Ой ли!
Только душу всю расцарапали,
Раскровенили всю до боли.

Стрекоза

Какой кузнец тебе ковал
Твои серебряные крылья?
Какие он шептал слова,
Даря их легкостью и силой??

Он, видимо, ещё владел
Искусством древних ювелиров,
Когда их в золото одел,
Собрав для них все краски мира.

Он подобрал тебе глаза
Глубокие, как изумруды –
Как будто замерла слеза,
Но есть в них холодок простуды.

Сев на рыбачий поплавок,
Ты первая встречаешь утро,
Хвост задирая в потолок,
Блистая блеском перламутра.

А Дедал – он мой друг, он – мастер.
Он придумал летучие крылья,
Он натер их воском, покрасил,
Наделил их мускульной силой.
И летал он с Икаром, с сыном...
Вот сидим мы – седой он, старый,
Вспоминает, как в небе синем
Потерял он сына Икара.

Друг мой, Пигмалион – художник,
Он себе Галатею сделал –
Грудь и бедра с матовой кожей,
Дышат жизнью детали тела.
Он влюбился в творенье это,
Позабыв про возраст и сроки...
У творений вечное лето,
А состарился он одиноким.

Мой учитель, Гомер, пел людям.
Ах, какие поэмы и песни!
Мы его похвалить не забудем,
Хотя он не нуждается в лестях,
А вот чашу вина он взалкает
Да и фиников горсть примет.
У него жизнь была слепая,
Да и помним мы только имя.

Все они – без прицела на вечность,
А, поди ж ты, и получилось!
Время судит и время лечит.
Есть у времени право и сила.
И поэт, и художник, и мастер,
И любой проводник мысли
Встретит вечность, а только счастье
Не создать пером или кистью.

Свечою белою мигала тишина,
Пока я шел к тебе от двери до окна.
Там, за окном, светила круглая луна,
А под луной спала огромная страна.

Ты обняла меня и молча приняла,
Не спрашивая про мои дела,
Не удивляясь, словно мы с тобой должны
Вот так – всю жизнь в таком обмане жить.

Потом мы разбудили петуха,
Ты улыбнулась – не было греха:

Мы не украли, не обидели, мы не
Обманывали, но вот там, в окне...

Там, за окном, стояла тишина,
И так пронзительно светила нам луна,
Что принималось это как намёк
На то, что человек – он одинок.

Минуты прыгали и капали часы,
А дни и месяцы ложились на весы,
Которые критически должны
Нам намекнуть на тонкость нашей лжи.

Нет, нет – не лжи: безумная луна
И звонкая ночная тишина,
И ты с полуоткрытым сладким ртом.
Не хочется и думать – что потом!

Потом земля проснется. Знаешь, как? –
По небу разбредутся облака,
А в голове возникнет рой забот,
Меж нами вырастет неведомый забор.

Когда-нибудь при бешеной луне
Ты вспомнишь, как в белесой тишине
Мы думали, что не было греха,
Пока не разбудили петуха.

Театральное

А. Мюрисену

Аплодисменты, шурша о стены, ползут по залу,
Поклон последний, артист усталый – в столбе софита.
Но вдруг покажется на миг, что сделал мало,
А «бис» провисший, он – не ему, а так, для свиты.

Снимался грим легко, как шкура с вареной щуки,
Он бросит в угол сюртук тяжелый – промок от пота.
И дрожь в ногах, от напряжения пляшут руки,
А в дверь с опаской стук – появился зачем-то кто-то.

Вошел знакомый, вошел банальный и серый вечер,
Принес коньяк, цветы и грубо улыбку срезал.
Была усталость, и было просто ответить нечем,
А вечер мягко облокотился на спинку кресла...

Он панибратски был неприветлив с моим героем:
Он хороводил, не мяля глупо пустое «здрасьте!»
Своим молчанием он восхитился его игрою,
Но в тишине артист расслышал: «А ты, брат, – мастер!»

* * *

Вяч. Фёдорову

Руки дрожат? И хорошо:
Вот перестанут дрожать –
Вспомнишь, а может, всплакнешь ещё,
Простившись у рубежа.

Руки дрожат? – Значит, живой,
Могу и расцеловать.
Знаешь – это не тяжело:
Целовать, говорить слова.

А вот мечтать – уже не могу:
Слышу, вижу порог.
Листик с березы сорвать на бегу
Могу, да и раньше мог.

А замахнуться на целую жизнь?
А где её целую взять?
Видишь: рука немного дрожит –
Письма пишу друзьям.